

КЪ ПРЕОДОЛѢНІЮ РЕВОЛЮЦІИ

Чѣмъ длительнѣй эпоха революціи, чѣмъ революціонный охватъ шире и глубже — тѣмъ отвѣтственнѣй реакція. (Подразумѣвается, въ данномъ случаѣ, творческая реакція, которая есть въ существѣ путь къ новому и которая, въ случаѣ удачи, должна стать въ Россіи подлинной революціей — взамѣнъ революціи ложной). Катастрофическій образъ и размѣры русской революціи, „организованная мука“ большевистскаго ига прежде всего обращаютъ вниманіе и усилія къ проблемѣ уясненія причинъ революціи и вызываютъ непосредственную жажду активного сверженія коммунистической власти. Но, поскольку дѣйствительность указываетъ на несомнѣнную затыжку большевистскаго періода революціи, есть время, наряду съ осмысливаніемъ глубинъ и первопричинъ русской катастрофы и въ непосредственномъ съ нимъ сопряженіи, во всей широтѣ поставить проблему будущей и неизбѣжной русской реакціи.

Эмоціоально преодолѣть революцію не удалось. Видимо революціонное помраченіе и зло бунта будутъ побѣждены въ Россіи путемъ длительного искуса народнаго сознанія и совѣсти. Поэтому реакція имѣетъ достаточные сроки, чтобы всесторонне понять опытъ русскаго бѣдствія и выступить не какъ слѣпая стихія мщенія, а какъ зрѣлое, выработанное въ страстяхъ разрухи, творческое осознаніе будущей духовно-эмпирической Россіи.

Проблема будущей реакціи — предѣльно отвѣтственна и глубока, ибо революція опалила и возмутила всѣ стороны и сферы русскаго бытія. Конечно, было бы жалкимъ притязаніемъ, отъ кого бы оно ни исходило, издадека, пытаться такъ или иначе направлять процессы русской исторіи. Реакція, подобно революціи, прорвется и опредѣлится стихійно и неожиданно. Однако, будучи началомъ конструктивнымъ, опредѣляясь паѳосомъ борьбы съ революціоннымъ раззореніемъ, — реакція, въ извѣстной мѣрѣ, есть также и сознательное превозможеніе темныхъ, хаотическихъ инстинктовъ революціи, итогъ творческаго напряженія совѣсти, мысли и воли. Если революціонная тактика можетъ сознательно расчислять и методично устраивать разруху, то неужели попытка установить будущіе устои дѣйствительнаго строительства и возстановленія разложеннаго бытія народа и страны можетъ быть сочтена, какъ рѣшительно бесплодное гаданіе или ненужное подсказываніе исторіи ея путей и обращеній!..

Для того, чтобы намѣтить и установить опорные начала будущаго — нужно со всей пристальностью взгляды въ революціонную дѣйствительность Россіи, ибо уже въ самомъ процессѣ революціи намѣчаются тѣ стороны народной одаренности, то существо русской націи, которыя, либо своеобразно противятся революціонному натиску и воздѣйствію, либо, отдаваясь имъ, все же органически, въ конечномъ итогѣ несовмѣстимы съ коммунизмомъ. Они то и должны явиться основой преодоленія большевизма и утвержденіемъ будущей реакціи.

Прежде всего, какая-то часть Россіи — духовно прозрѣла.

Это особенно ясно, если сравнивать нынѣшнюю духовно-идеологическую настроенность Россіи и Запада. Религіозное возбужденіе русскаго сознанія, какъ-никакъ, явленіе массовое. Между тѣмъ, такое всеобщее бѣдствіе, какъ міровая война, до сихъ поръ не вызвало

въ Европѣ подлинной религіозной реакціи, въ соот-
вѣтствующихъ войнѣ размѣрахъ. Возросшее въ
нѣкоторыхъ странахъ значеніе католическихъ клерикаль-
ныхъ партій, можно скорѣе учитывать, какъ фактъ реак-
ціонно-политическій, и конечно подлиннаго возврата къ
массовому религіозному исповѣдничеству въ немъ усмотрѣть
нельзя. Слѣдуетъ признать, что Европа живетъ п а м я т ь ю
христіанства, запечатлѣвшейся въ прикладномъ кодексѣ
гражданской этики и морали.

Утвержденія, что Россія въ нѣкоторой своей части
опомнилась и прозрѣла, не опровергають ни кощунства,
ни богохульства, ни святотатства современности. Ко-
нечно, въ настоящее время народъ въ массѣ выходитъ изъ
религіознаго быта, безумно отлучаетъ себя отъ него, но
въ то же время ядъ коммунизма и прикосновеніе къ ре-
альному злу — отвѣтно, въ качествѣ противоядія, подняли
страстный порывъ религіознаго возбужденія
и наново поставили, пусть передъ меньшинствомъ, основ-
ныя проблемы религіи, вѣры и церкви. Въ свѣтѣ рели-
гіозныхъ свершеній предстають нынѣ для многихъ — ката-
строфы и событія нашей эпохи. Преуменьшать значеніе
этого также не нужно. Но есть и другое: опытъ катастро-
фической реализаціи предѣльнаго социализма вскрылъ и ра-
зоблачилъ первосущность его, которая въ тактическомъ и
постепенческомъ социализмѣ дѣйствуетъ скрыто и необли-
чимо. Русская революція показала, что подлинный соци-
ализмъ не только формалистиченъ, но и онтологиченъ. От-
нынѣ ясно, что свое упорство и паѳосъ социализмъ черпаетъ
не въ прикладномъ осуществленіи своихъ ирреальныхъ
идеаловъ общественнаго бытія и равенства, а въ самой глу-
бинѣ подлиннаго богоборчества и христорчества ¹⁾.

¹⁾ Социализмъ противоположенъ христіанству и борствуется съ
нимъ прежде всего въ своемъ сознательномъ смѣшеніи, въ установ-
леніи лже-синтеза началъ духа и плоти. Христіанство, какъ религія
богочеловѣческая, категорически эти начала раздѣляетъ и установ-
ливаетъ непреложную законность въ отношеніяхъ между ними. Со-
циализмъ-же, съ одной стороны отрицая творческой примаць, автоно-

Опытъ зла, который выпалъ на долю Россіи и который является ея *privilegium odiosum*, въ существѣ своемъ, конечно есть опытъ религіознаго порядка.

Можно сказать, что „угашеніе духа“, на которомъ строился весь замыселъ коммунистическаго овладѣнія Россіей, не удался. Погибая, Россія ожила въ духѣ. Тутъ нельзя мѣрять въ количествахъ и массахъ. Конечно, въ большинствѣ русской народъ захваченъ жаждой матеріальныхъ благъ и страстью своего буржуазнаго будущаго. Но, поскольку для народнаго вдохновенія и для духовной экспансіи — нѣтъ законовъ, вспыхнувшее религіозное сознание меньшинства можетъ найти себѣ отзывъ въ помраченной религіозной стихіи всей русской страны, ибо явное попираніе б о г о з а к о н н о с т и міра, у какого-то предѣла, необходимо должно привести къ реальному узрѣнію границъ божескаго и человѣческаго, къ религіозному видѣнію первичной грани, пролегающей между сферой міровой богозаконности и предѣлами творческихъ возможностей человѣка.

Насколько первый этапъ революціи разыгрывался главнымъ образомъ въ планѣ соціально-политическомъ, настолько въ дальнѣйшемъ, революціонный процессъ сосредоточился въ области духовно-религіозной. Въ этомъ легко удостовѣриться, хотя бы по очередному вниманію, которое большевики удѣляютъ противорелигіозной пропагандѣ. Самый фактъ революціонизированія церкви, свидѣтельствующій о величайшемъ помраченіи народнаго сознанія и совѣсти, есть прямое посягательство на самыя священныя достоянія народа, и, можетъ быть, предѣльное кощунство лучше всего покажетъ Россіи, куда завела ее революція и отъ чего заставляетъ отступать...

мію и онтологію духа, какъ бы матеріализуетъ его, и съ другой, — сублимируя бытіе матеріальное и провозглашая его предѣльной и достаточной цѣлью человѣческой жизни, этимъ самымъ сообщаетъ матеріи и плоти нѣкое подобіе духовнаго качества, т. е. какъ бы пневматизируетъ ихъ. Въ силу этого устанавливается тотъ опорачивающій осмозъ между духомъ и плотью, который въ глубинномъ существѣ противенъ откровенію и ученію христіанства.

Но, великіе соблазны стоятъ и передъ тѣми, кто уже прозрѣлъ и пытается опереться на устои духа, вѣры и церкви. Нужно не во зло использовать это обращеніе и сумѣть устоять на творческой и вѣрной свободѣ духовной дѣятельности. Иначе довѣріе къ вѣрѣ — смѣнится у маловѣрныхъ новымъ обличительствомъ и сомнѣніемъ. А кто дерзнетъ назвать себя не маловѣрнымъ!..

Если революціи не удалось убить исключительное одареніе боговозбужденности русской стихіи и ея религіозную память, то не погасила она и реальное ощущеніе эмпирическаго образа Россіи. Во всѣхъ бѣдствіяхъ и униженіяхъ революціи, Россія, какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ всего міра, неизмѣнно предстаетъ, какъ непреодолимый, неподдающийся общеевропейской нейтрализаціи и унификаціи — самобытно-державный, культурно-политическій міръ, преодолюющая какую-то свою судьбу. Будучи на апогеѣ социалистической европеизаціи, Россія все таки оказалась противопоставленной Европѣ. Даже обратно, революція обострила сознаніе русской культурно-политической особы, привела къ тому, что Россія наново почувствовала вѣсь, силу вытѣсненія и самодовленіе своего эмпирическаго массива. Ощущеніе суверенности культурной сопрягается въ данномъ случаѣ съ ощущеніемъ и чаяньемъ суверенности государственно-политической.

Въ десятилѣтіяхъ, предшествовавшихъ революціи, потеря духовно-культурнаго лика Россіи сказывалась въ массахъ, какъ помраченіе державнаго самосознанія всего народа. Чувствовалась всеобщая усталость отъ державности и ощущалась безцѣльность великодержавнаго бытія Россіи, которое перестало дѣйствовать, какъ органической стимуль единства и мощи. Прорвавшаяся революція открылась небывалымъ политическимъ фактомъ добровольнаго санкціонированія распада и разложенія всей державно-государственной формы Россійской имперіи. Это было явнымъ признакомъ паденія всѣхъ силъ, сопрягающихъ

воедино разнородныя данности великаго государства. Можно, конечно, отнести самопредательство Россіи 1917-18 года на счет воли и инициативы революціонныхъ элементовъ, но было бы правильнѣе видѣть въ этомъ фактѣ обнаруженіе глубокаго всенароднаго процесса обнищанія державнаго самосознанія, корни котораго протягиваются въ историческія судьбы Россіи XVIII и XIX вв.

Къ началу міровой войны — державно-историческаго заданія и самопониманія Россія не имѣла. Они были утрачены еще раньше. Эта утрата и безпомощность русскаго правительства и русскаго „охраненія“ въ дѣлѣ прямого внушенія народу его историческаго достоинства и заданія, сыграли, между прочимъ, роковую роль въ длительной борьбѣ власти съ революціей. Русская революція не была неожиданной катастрофой: одна часть общества издавна ставила ее себѣ, какъ открытую цѣль, русскій творческій геній пророчески предсказывалъ ее, правительство и русскій консерватизмъ сознавали ее неминуемость и боролись съ ней. Установка сознанія революціонной интеллигенціи была точной, и ея тактика была послѣдовательной: на русскую вѣру, культуру и бытъ — было положено клеймо дикарства, варварства и обскурантизма. Выставлялась единая цѣль — европейская просвѣщенность и всеуравнивающий прогрессъ.

Что же касается идеологіи правительственно-охранительной, то она, создавая въ качествѣ защиты, деклараціи о самобытности русскаго народа и его призваніяхъ (начиная отъ Магницкаго, Уварова и кончая Катковымъ и Побѣдоносцевымъ), въ то же время не давала никакого конкретно-самостоятельнаго, историко-активнаго заданія русскому государству. Наоборотъ, уступая общему ходу событій, Россія все сложнѣе втягивалась въ общеевропейскія политическія сплетенія и, тѣмъ самымъ, правительство на дѣлѣ опровергало свои идеологическія предпосылки о созданіи самостоятельной судьбы для русской государственности.

Можно безъ труда прослѣдить, какъ часто Россія выступала въ международной жизни Европы и сопрягалась съ ея судьбами безъ всякой существенной и органической для себя надобности. Имѣя нѣсколько разъ возможность нейтрально утвердить себя, какъ великое, самодовлѣющее цѣлое, русская государственность фатально низводила свое значеніе до степени частнаго политическаго фактора, вынужденно слагающаго общеевропейское сложное равновѣсіе. Въ этомъ отношеніи политическая исторія Россіи, „обоснованіе“ и „оправданіе“ ея войнъ, (въ томъ числѣ и послѣдней міровой войны), требуютъ къ себѣ, особенно въ настоящее время, обостреннаго вниманія...

Революція, изолировавъ большевистскій континентъ и выведя Россію изъ всѣхъ международныхъ отношеній — какъ-то приближаетъ, помимо воли ея руководителей, русскую государственность (пока что скрытую подъ маской коммунистической власти), къ отысканію своего самостоятельнаго историко-эмпирическаго заданія и заставляетъ вдохновиться имъ. Однимъ изъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о накопленіи государственнаго самосознанія въ нынѣшней Россіи иногда считаютъ національ-большевистскую доктрину. Но, поскольку это теченіе стабилизируетъ въ государственную систему революціонно-преходящій порядокъ и, закрывая глаза на всѣ мерзости революціи и не ставя себѣ никакихъ духовныхъ заданій возрожденія, — строить свою идеологію на революціонныхъ парадоксахъ (т. е. посредствомъ интернаціонала надѣется создать національное строительство Россіи), оно, — ничѣмъ инымъ, какъ уродливимъ порожденіемъ революціи, названо быть не можетъ. Однако, нужно признать, что какая-то трагически-роковая и конечно временная и частичная подмѣна — въ русскомъ народномъ сознаніи дѣйствительно пока что наличествуетъ: слѣпая „защита революціи“ — является для нѣкоторыхъ, донинѣ затемненныхъ русскихъ людей, — въ сущности безсознательной защитой національно-государственнаго суверенитета Россіи.

Но рано или поздно, русское самосознание должно будет до конца уяснить себя истинный духовно-эмпирический образъ Россіи; это по новому освѣтитъ также и проблемы международно-политическаго самоутвержденія; уже и сейчасъ имѣются симптомы, что въ національномъ сознаниіи произошла также и въ р н а я реакція на національное самопредательство 1917—18 гг.; что вопросы подлиннаго національнаго бытія и достоинства уже и сейчасъ ощущаются временами рѣзко и обостренно въ кругахъ, гдѣ доселѣ вовсе не думали объ этихъ вопросахъ.

Если симптомы этого уясненія уже наличествуютъ въ русскомъ сознаниіи, то тѣмъ неотложнѣй слѣдуетъ ихъ развить въ широкую и цѣльную идеологию, [могущую] вызвать къ себѣ ту народную страсть, которую революціонеры сумѣли внушить нѣкоторымъ элементамъ русскаго народа къ идеѣ интернаціонала. Здѣсь должны сопречься въ нѣкоторое единство элементы религіознаго возбужденія и любовнаго видѣнія земнаго образа Россіи. Конечно, сближеніе сферы религіозной со сферой эмпирической таитъ въ себѣ много опасностей и соблазновъ. Исторія знаетъ множество примѣровъ употребленія во зло этого союза. Но кто вѣрять въ творческую надѣленность Россіи — долженъ на этотъ рискъ идти. Можетъ быть, это сочетаніе, какъ часто бывало, принесетъ и Россіи шаблонную реакцію, а можетъ быть искусъ и опытъ ея революціи направятъ русское будущее „къ не бывалому“. Во всякомъ случаѣ, сопряженіе въ единую идеологию и цѣлепоставленіе проблемы русскаго духовнаго возрожденія и исповѣдничества съ проблемой эмпирической плоти и историческаго образа Россіи имѣютъ въ настоящее время больше шансовъ оказать помощь въ дѣлѣ преодоленія русскаго развала и намѣчанія путей строительства, нежели всѣ промежуточные, безосновныя идеологии и схемы формальной политики. Вообще, всѣ попытки врачеванія Россіи, путемъ навязыванія ей готовыхъ политическихъ формулъ и режимовъ — до сихъ поръ ока-

зывались слѣпой, невыносимой схоластикой, жалкими психологизмами, навсегда утерявшихъ чутье Россіи, людей.

Но главное, призрачно горяча воображеніе ближайшими заданіями и активно-политическими планами, которымъ не суждено осуществиться, большинство эмиграціи тѣмъ самымъ теряетъ пониманіе перспективы реальной, но болѣе отдаленной; и, не видя осуществленія своихъ лихорадочныхъ и растерянныхъ расчетовъ, эмиграція сама опустошаетъ вѣру въ свои силы, порождаетъ болѣзненное нетерпѣніе и приводитъ къ соблазну малодушнаго соглашательства. Эмоціональная контръ-революція до сихъ поръ не можетъ стать сознательно-волевой реакціей, то есть не можетъ обрѣсти новую установку сознанія и новое духовно-психологическое содержаніе.

Надрывно обличать революцію — бесплодно. Сознавая всѣ грѣхи и зло ея насилія, тѣмъ не менѣе необходимо воодушевиться творческимъ, конструктивнымъ оптимизмомъ. Иначе расквитаться съ происшедшимъ невозможно, ибо чѣмъ дольше люди психически будутъ пребывать въ атмосферѣ революціоннаго зла, тѣмъ живучѣй будутъ революціонные яды...

Эмиграція, лихорадочно и беспорядочно занятая обличеніемъ революціи, мало задумывается надъ проблемой дѣйствительно творческой реакціи.

Нужно понять, что современный большевизмъ пересталъ быть явленіемъ исключительно соціальнымъ и политическимъ; онъ проросъ неисчислимыми корнями, и въ настоящее время пронизываетъ и оплетаетъ всю почву и подпочву русскаго бытія. Если не всѣ признали коммунизмъ, если есть отрасли и явленія русской жизни, которыя ему противятся и будутъ противиться, то всѣ и все въ Россіи, такъ или иначе, имъ деформированы, отравлены или искажены.

Дѣло въ томъ, что наряду съ державной усталостью и утратой чувства самопониманія была у Россіи къ концу

ХІХ в. и въ началѣ ХХ в. какая то всеобщая жажда самопроявленія, смутное сознание, что „исторія призываетъ Россію къ ея очереди“, которыхъ не поняли и не сумѣли во благо использовать „реакція“ и правительство. Не получивъ должнаго выхода, народное напряженіе слѣпо и злосчастно отдалось тому волевому и императивному началу, которое сумѣло еще больше возбудить и сопречь воедино всѣ стороны и уровни, спутать всѣ наклонности, дурныя и хорошія, русскаго бытія, съ тѣмъ, чтобы въ порывѣ ослѣпленнаго бунта захватить Россію, заставить ее отречься отъ самой себя и отдаться чуждому и враждебному. Идти противъ большевизма съ одной лишь политикой или моральнымъ обличительствомъ, вообще съ какимъ нибудь обособленнымъ лозунгомъ борьбы — бесполезно. Нужно выставить противъ большевистскаго фронта — соравный по охвату и широтѣ, подобный же ему фронтъ, который бы, развернувшись, повелъ бы наступленіе цѣпью — вѣрнѣе, началъ бы отбивать Россію, одновременно и сопряженно по всѣмъ сторонамъ, направленіямъ и глубинамъ, захваченнымъ революціей. Нужно глубоко перепахать россійскую равнину, чтобы порвать всю подземную сеть разросшихся тонкихъ корней большевистскихъ плевель. И кромѣ того, только четкое и всестороннее представленіе будущаго, сможетъ заставить одуматься, убѣдить и притянуть къ себѣ извѣрившуюся и потерявшую себя Россію.

Между тѣмъ, политическое доктринерство нѣкоторой части интеллигенціи все еще продолжаетъ свое вредоносное дѣло. Съ другой стороны дѣлаются попытки идеализовать до-революціонное прошлое, которое въ сравненіи со всѣмъ пережитымъ, естественно встаетъ въ памяти, какъ неоцѣненное совершенство. Въ обоихъ случаяхъ продолжаетъ сказываться дѣйствіе двухъ основныхъ и между собой сопряженныхъ факторовъ до-революціонной Россіи, которые ближайшимъ образомъ и привели къ катастрофѣ. Оставляя въ сторонѣ обще-европейскій кри-

зись и глубинныя причины революціи, не слѣдуетъ (какъ это теперь иногда принято) односторонне судить только интеллигенцію, хотя она дѣйствительно предательски отступила отъ пониманія и цѣненія державнаго бытія Россіи и тѣмъ самымъ подточила его бывшые устои. Нужно рѣшительно признать, что и дореволюціонная власть, въ послѣднія десятилѣтія, явно утратила непосредственно-живую связь съ народомъ, культурой и современностью и за это она отвѣтственна. Главное зло было не въ недостаткахъ строя, а въ томъ, что начиная съ верховъ власти обнищало духовно, выродилось и потеряло свой смыслъ, императивность и даже стиль русское великодержавіе.

Вѣдь въ нынѣшней катастрофѣ нѣтъ ничего неожиданнаго; сбилось все писанное и предрѣченное (взять хотя бы страстныя и упорныя предостереженія — пророчества К. Леонтьева). И если „русскій консерватизмъ“ и „русское охраненіе“, сознавая ясно все грядущее, не смогли однако предупредить гибель „самобытной Россіи“, то значить у нихъ не было какой то органической опоры, убѣждающей воли и увѣренности въ себѣ для того, чтобы передать странѣ и народу, черезъ головы „разночинцевъ“, либераловъ и интеллигентовъ“, „подрывавшихъ основы“, свое религіозно-государственное заданіе и, вопреки всему, защитить его правоту и осуществить въ дѣйствительности. Вѣдь власть была еще сильной и автократной! Это нужно признать для того, чтобы сверхъ мѣры не идеализировать теперь русскаго консерватизма. Выступая въ разныя десятилѣтія второй половины XIX в. во всевозможныхъ аспектахъ, русское „консервативное охраненіе“, говоря обобщающе, не сумѣло возбудить къ себѣ длительного и устойчиваго довѣрія Россіи, какъ къ началу и движенію національно-культурному, ставящему себѣ цѣлью самобытное развитіе русскаго религіозно-культурнаго и государственно-общественнаго организма. Оно не оправдало своихъ идеалистическихъ лозунговъ и вызвало

поздорѣніе, въ смыслѣ эгоистическаго соблюденія словныхъ и имущественныхъ интересовъ. Что же касается именно верховъ русской общественности, то они и не могли стать оплотомъ культурнаго „охраненія“, такъ какъ сами неудержимо стремились по пути денационализаціи и европеизаціи (неизбѣжно связанныхъ съ уклономъ къ либерализму). Въ результатѣ, дѣйствительно консерватизмъ оказался только политическимъ, а не національно-культурнымъ и сталъ рѣшительно необудительнымъ для всей націи.

Если разразившаяся катастрофа русской революціи имѣетъ глубокія и далекія причины въ историческомъ прошломъ Россіи, то конецъ XIX-го в. былъ для этой катастрофы рѣшающимъ срокомъ. Именно тогда настолько помрачились русскіе государственные и общественные горизонты, что для самыхъ разнородныхъ чуткихъ людей 80—90 г. г. стало ясно, что „ближайшее будущее готовить такія испытанія, какихъ не знала исторія“, что черезъ какіе нибудь полвѣка, не болѣе, русскій народъ изъ народа „богоносца“ станетъ мало по малу, и самъ того не замѣчая, „народомъ богоборцемъ“. Эта эпоха была для Россіи трагической уже потому, что въ это время внѣшній ростъ и державная политика Россіи не имѣли никакого идеологическаго, національно-духовнаго выраженія и возглавленія ¹⁾. Славянофильство къ этому вре-

¹⁾ Славянофильская идея, въ формахъ близкихъ къ ея основамъ, никѣмъ уже не представлялась и не развивалась (И. С. Аксаковъ сконч. въ 1885 г.); позднее и своеобразное славянофильство К. Леонтьева воспринималось въ широкихъ кругахъ, какъ анахронизмъ и мракобѣсіе; Катковъ былъ одіозенъ, какъ офиціозный выразитель правительственной реакціи. Вліяніе Стрхова оставалось ограниченнымъ. Теократическій утопизмъ Вл. Соловьева того времени, хотя и коренился въ ученіи Кирѣевскаго и Хомякова, но существенно видоизмѣнялъ основные элементы стараго славянофильства и сообщалъ имъ иной идеологической и эмоциональный смыслъ. Въ соблазнительной концепціи русскаго „національнаго самоотреченія“, пресуществленнаго Рима и всемірной теократіи Соловьева (которая условно повліяла и на Достоевскаго) исчезала вовсе острая славянофильская критика „раздвоенія и разсудочности“ Европы. Къ началу 80-хъ г.г. относится и разрывъ Соловьева съ

мени было почти изжито и отъ него оставался лишь тяжелый псевдо-русскій стиль, который особенно въ царствованіе Александра III наложилъ свою печать на всѣ стороны „казеннаго“ бытія Россіи. (Национально-славянофильское возбужденіе, связанное съ турецкой кампаніей оказалось фатально-нежизнеспособнымъ. Причины этого — составляютъ одну изъ глубочайшихъ проблемъ русской государственности и культуры). Сами „охранители“ въ сущности становились западниками, отстаивая тѣмъ не менѣ реакцію, но уже узко-политическую. А такъ какъ „западничество“ всегда отождествлялось съ либерализмомъ, то естественно, что „западническая“ реакція была неубѣдительною и вносила въ сознаніе русскаго общества только путаницу понятій и сугубое раздраженіе. И по существу въ какомъ-то смыслѣ, русское общество имѣло право быть недовольнымъ: если реакція и правительство не сумѣли создать для по-реформенной Россіи самобытную эпоху всеобщаго расцвѣта и сами стали на путь „европеизаціи“, то не идти по этому пути дальше, къ конституціи и гражданской свободѣ — означало „дѣйствительно дышать исключительно азотомъ полнаго застоя“. И жизнь въ самомъ дѣлѣ стала идти мимо государственности, перестала заряжать своей энергіей обще-народный аккумуляторъ русской державности, а наоборотъ начала питать тѣ

И. С. Аксаковымъ, при чемъ ближайшимъ поводомъ расхожденія были католическія соблазны Соловьева и его проповѣдь о центральномъ авторитетѣ Римскаго престола. Нѣсколько позже Соловьевъ отрицательно-критически высказался и о „ползучей“ теоріи культурныхъ типовъ Данилевскаго. Иную формулировку получило и міросозерцаніе Достоевскаго: считавшій ранѣе, что міръ х. б. спасенъ „одной только русской мыслью, русскимъ Богомъ и Христомъ“, въ 1880 г. онъ, въ своей пушкинской рѣчи заявилъ, что „все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣнье...“. Но важнѣе всего отмѣтить, что самыя широкіе круги русскаго общества и даже непередовой интеллигенціи, въ чисто-обывательскомъ и прикладническомъ смыслѣ, стали въ эти годы слѣпо и неразумительно „западоклонничать“, причѣмъ пониманіе перспективъ русскаго будущаго оказывалось въ этихъ пассивныхъ общественныхъ кругахъ, столь же затемненнымъ, сколь притупленной была ихъ историческая память къ прошлому...

теченія и настроенія, которыя рвали въ сторону, или же „подрывали основы“. Это создавало ту гнетущую атмосферу безвыходности и озлобленія, скуки и страха, въ которой сложились самыя мрачныя и оправдавшіяся пророчества о русскомъ будущемъ; въ этой же атмосферѣ зародились: Чеховъ, Андреевъ и Блокъ, „Конь блѣдный“ Ропшина и „Петербургъ“ Бѣлаго. А между тѣмъ, были люди, которые твердили, „что Европѣ уже переходитъ образъ міра сего“ и что спасеніе Россія можетъ обрѣсти только на самобытныхъ государственныхъ и общественно-экономическихъ путяхъ. — Но этому лозунгу реакція не вяла. Конечно, можно было бороться съ модой европейской либеральной общественности, но въ такомъ случаѣ должно было въ національныхъ масштабахъ создавать свои перспективы развитія, прежде всего выдѣливъ цѣлый рядъ жизненно-необходимыхъ реформъ — и въ томъ числѣ реформу земельного устройства крестьянъ, психологически удовлетворительное и хозяйственно-цѣлесообразное разрѣшеніе вѣкового „спора о землѣ“ — изъ одиозной сферы политическаго либерализма, для того, чтобы на этихъ реформахъ именно и строить независимое и творческое охраненіе религіозно-государственнаго существа Россіи, чтобы сберечь ея внутреннюю структуру и историческій ликъ. Но, всего этого не случилось...

Не мѣсто политическимъ счетамъ, пристрастнымъ обвиненіямъ и уличеніямъ послѣ роковой гибели религіознаго и государственно-бытового уклада всей Россіи. Многіе факты революціи конечно еще найдутъ себѣ форму искупленія въ религіозной совѣсти будущихъ поколѣній. Но все таки слѣпую реакцію 80-90 гг. и тупикъ 1917 года, тогдашнія судороги, метафизическую пустоту, муки безвыходности и опустошенности нужно помнить не меньше, чѣмъ ужасы революціонной поры.

Поздній историческій срокъ русской революціи, происшедшей, когда гуманистическій и социалистическій идеализмъ обличень и начинается отчасти терять свою

соблазнительность ¹⁾, а также фактическая необходимость всесторонней реконструкції Россіи — налагають на послѣдующую за революціей эпоху сугубую отвѣтственность. И если русская реакція не выявитъ обновленно-религіозно-культурный и державный ликъ Россіи, то можно сказать, что всѣ страсти и жертвы революціи окажутся неискупленными. Возвратъ къ ощущенію и пониманію образа и судьбы своей родины — воскресить и любовь къ ней, которая должна быть осознана, какъ категория религіозная. Насколько помрачено было русское предреволюціонное патріотическое сознание — можно судить не только по злобствованію и предательству открытыхъ враговъ Россіи; — вырожденіе подлиннаго чувства родины сказалось и въ русскомъ творчествѣ (ярче всего у Блока и Бѣлаго), какъ будто исполненномъ любви и страсти къ Россіи, но въ которомъ надвигающаяся катастрофа, провидимыя бѣдствія и ужасы становились имманентными исключительно личной судьбѣ каждаго автора и вызывали къ себѣ съ ихъ стороны мучительную „радость страданія“, почти садистическія рефлексіи, эгоистическую жажду гибели и распада, а не волевое противленіе грядущему бѣдствію.

Въ этомъ сказалось все безсиліе людей эпохи русскаго духовно-общественнаго декаданса понять Родину лично и идеально — одновременно, то есть религіозно; понять, что должно каждому сливать свою судьбу съ судьбой родины, но въ то же время нельзя уравнивать личную біографію съ бытіемъ своей страны и своего народа въ какой бы мѣрѣ личная жизнь въ извѣстныхъ эпохи ни опредѣлялась этимъ бытіемъ. Отношеніе къ Родинѣ должно имѣть аспектъ несоизмѣримости со всѣми внутри-общественными

¹⁾ Это не значитъ, что въ ближайшемъ будущемъ социализму не суждены еще крупныя побѣды, ибо, пока что, онъ нерасторжимо связанъ съ индустріальной цивилизаціей; а возможности разростанія послѣдней безграничны, такъ какъ современность научилась искусственно создавать тысячи лишнихъ потребностей для того, чтобы ихъ немедленно обслуживать и удовлетворять.

ственными отношеніями; потеря этой установки ведетъ къ гибели патріотической гордости и къ утверженію безпомощно-индивидуальной гордыни и исключаетъ возможность патріотическаго служенія. А служить — это значитъ, понявъ судьбу своей родины — волею творить ее...

Бываютъ эпохи, когда историческое заданіе меркнетъ въ самомъ сознаніи народа. Несмотря на все разложеніе Россіи — народная память о себѣ и основныя черты русской національной одаренности — пока еще живы. Ихъ должно прояснить и укрѣпить. Для этого слѣдуетъ попытаться создать на неотмѣнимыхъ устояхъ органическаго, православно-русскаго міросозерцанія, систему сопряженнаго наблюденія всѣхъ нынѣ развивающихся процессовъ и событій Россіи. Лишь въ зоркомъ наблюденіи и сопоставленіи фактовъ можно обрѣсти вѣрное, непредвзятое сужденіе о русскомъ настоящемъ и будущемъ. Однако, нельзя оцѣнивать происходящее, не имѣя твердыхъ основъ будущей реакціи, которые бы центрировали, оформляли и сводили воедино всѣ данныя опыта и наблюденій. Но выбирая эти основы — нужно со всей отвѣтственностью устанавливать дѣйствительныя начала русскаго религіозно-эмпирическаго самоутвержденія, безъ коихъ дѣйствительно невысказано строительство духа и государства будущей Россіи. Выясненіе неотмѣнимыхъ догматовъ русскаго бытія должно идти рядомъ съ творческимъ опытомъ современной реальности. Одно безъ другого невысказано, такъ какъ въ противномъ случаѣ грозитъ опасность, либо нежизненнаго доктринерства, либо безпринципнаго оппортунизма.

Идеологія должна стать и методологіей.

Возвращаться ревнивой памятью, помыслами и желаніями къ недавнему прошлому — бесполезно и даже вредно. Эта память для всѣхъ мучительна: чувство поздняго раскаянія, роковой смыслъ всего происшедшаго и пониманіе общей вины — смѣшиваются съ острымъ сознаніемъ, что можно было избѣжать катастрофы и съ жаж-

дой обличенія того „поколѣнія отцовъ“, которое, раздѣлившись на два стана, съ одной стороны открыто, злой волей наступало на Россію и наконецъ овладѣло ею и съ другой, по малосилію, не сумѣло заступиться за нее. Тяжела память о послѣднемъ полустолѣтіи д. б. и въ народѣ. Конечно, не потому, что режимъ былъ насильническимъ, какъ это принято по шаблону опредѣлять, а потому, что всеобщее духовно-моральное и государственно-сословное разложеніе проникало до самыхъ глубинъ народныхъ и создавало хворую, возбуждающую атмосферу, постоянно раздражало нервы и страсти народа, который хорошо понималъ, что является объектомъ чужого спора.

Помнить и сознать недавнее прошлое, какъ страшный опытъ — необходимо, но не это прошлое нужно ставить въ основу идеологическаго и эмпирическаго возрожденія Россіи. Необходимо во всей остротѣ и глубинѣ пробудить историческую память Россіи (конечно, не только эстетически и безъ искусственной архаизаціи), которая за послѣдніе вѣка стала мельчать, потеряла способность синтетически охватывать всю прошлую судьбу своей вѣры, культуры и государственности, перестала прошлое воскрешать въ настоящемъ.

Въ какой то роковой срокъ бытія Россіи произошелъ разрывъ преемственной цѣпи народно-исторической памяти, и русское органическое прошлое, для послѣдующихъ поколѣній, отсѣклось и умерло. „Верхи русской культуры“ — уродливо приросли своими оскудѣвшими идеалами къ XVIII и XIX вв., а народъ перевелъ все свое историческое воспоминаніе въ бытъ, и нынѣ, выходя изъ этого быта, вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ и изъ сознанія своей исторіи. Но религіозно-историческая память должна нынѣ сочетаться съ современнымъ видѣніемъ для того, чтобы прояснить и наново утвердить, что въ судьбѣ Россіи — является непреложнымъ изначальнымъ преданіемъ и что открывается нынѣ, какъ творческое заданіе для будущихъ поколѣній. Далеко на-

задъ и далеко впередъ — но ни въ какомъ случаѣ не къ ближнему прошлому — вотъ куда должна звать будущая русская „реакція“!..

Потрясеніе революціи сообщило Россіи величайшій разгонъ, зарядило ее стремительной и тяжелой инерціей, одновременно злой и положительной. Реакція должна это движеніе подхватить и динамически утвердить себя, замѣнивъ изступленный фанатизмъ интернаціонала — страстью и творческимъ, самоначальнымъ идеаломъ русской вѣры, культуры и державности.

Реакція должна сосредоточить, выразить и использовать весь многосторонній опытъ революціи; должна поставить передъ Россіей максимальные по отвѣтственности проблемы религіозно-государственного и культурно-державнаго самоопредѣленія и творчества. Когда-же, какъ не послѣ страшной своей революціи въ состояніи Россія творчески напречь всѣ свои національныя силы и всенароднымъ порывомъ установить дѣйствительно обновленныя формы своего внутренняго бытія! Не можетъ быть, чтобы огонь революціи не закалилъ въ Россіи „пружины смѣлѣя гражданственности новой“. Но, чтобы быть удачѣ — реакція политическая должна стать актомъ всенароднаго, религіозно-культурнаго самовозстановленія. Въ противномъ случаѣ — вмѣсто реакціи самоначально-творческой, Россія, сорвавъ свой пылъ въ сверженіи коммунизма, очень быстро можетъ встать на путь готовыхъ европейскихъ политическихъ схемъ и режимовъ и тѣмъ самымъ уготовить себѣ реакцію еще менѣе національную, чѣмъ большевистскій интернаціональ.

Конечно, проще (и это безусловно будетъ для многихъ дѣлю), какъ можно скорѣй ввести въ привычныя русла, то національное возбужденіе, которое, нужно предвидѣть, разольется широчайшей волной вслѣдъ за крушеніемъ коммунизма. Но не этого обрѣзыванія крыльевъ національному порыву должны желать всѣ тѣ, кто стремится опытъ революціи использовать глубоко и существ-

венно. Революція явила въ своихъ катастрофахъ въ собранномъ и обостренномъ видѣ весь историческій образъ и всѣ историческіе грѣхи Россіи, перебрала всѣ тоны духовно-психическаго строя русскаго народа, которые уже давно перестали отчетливо сознаваться интеллигенціей, изъ-за двухъ крайностей, — отчасти изъ-за неподлинной идеализаціи народа, отчасти изъ слѣпого презрѣнія къ нему. Въ этой страшной сводкѣ нужно разобраться: — она свидѣтельствуетъ не объ одной бунтарской и богоборческой стихіи народа; въ ней можно усмотрѣть еще и ожесточенный порывъ (безсознательный, м. б.) скинуть съ себя чужія и чуждыя формы и привилегіи не своей культуры, а также и религиозное стремленіе найти свою правду общественно-государственнаго бытія. Однако, социализмъ настолько использовалъ въ своихъ интересахъ эту русскую настроенность, что придалъ конкретнымъ проявленіямъ ея — лживыя и уродливыя формы. Но въ сокрытыхъ пока еще глубинахъ, русская революція, конечно, таитъ какое-то зерно національнаго генія, которое только въ будущемъ и при счастливыхъ обстоятельствахъ сможетъ дать свои плоды, которые могутъ быть окупяты все зло насилія и мерзости революціи.

Какъ ни какъ, революція породила несомнѣнныхъ героевъ зла и разрушенія.

Для того, чтобы и реакція была героической, конечно въ обратномъ смыслѣ, нужно прежде всего ея таковой захотѣть; нужно конкретно понять всю отвѣтственность, значеніе и смыслъ той эпохи, которая наступитъ послѣ большевистскаго сверженія. Всѣ тѣ, кто не загипнотизированы мертвыми политическими доктринами и прописями, всѣ кто хотятъ для Россіи великаго и творческаго будущаго, должны теперь-же, во всей широтѣ поставить передъ собой твердое и волевое заданіе, ибо, если трагиченъ былъ колоссальный размахъ революціоннаго разрушенія, то еще болѣе трагичной можетъ оказаться реакція, лишенная великаго масштаба и не приводящая къ вели-

кимъ цѣлямъ всенароднаго покаянія, самопознанія и раскрытія.

Русская интеллигенція пережила страшный кризисъ своихъ идеаловъ и вѣрованій. И до сихъ поръ еще, пораженная неудачей своего прошлаго, она не можетъ придти въ себя и наново организовать свою вѣру, мысли и чувства въ стройное и твердое цѣлепоставленіе. Порою кажется, что „организованная мука“ большевизма, которая должна была особенно тѣсно объединить именно интеллигенцію, все-таки не достаточно сжала ее въ своихъ тискахъ и разсыпавшійся верхній культурный слой Россіи, до сихъ поръ не сцементировался въ единый крѣпкій общественный пласть. Не говоря о политиканствующей части эмиграціи, для которой все просто и ясно, ибо ея планы дальше возстановленія монархіи, или водворенія демократическаго строя не простираются, нужно признать, что въ широкихъ кругахъ, весь опытъ послѣднихъ лѣтъ до сихъ поръ еще не осознанъ и не оформленъ. Предстоящія цѣли религіознаго строительства, государственнаго возстановленія, вообще, все конкретное будущее Россіи — все это для большинства перспективы весьма туманныя. Между тѣмъ, въ смутныхъ идеалахъ и неопредѣленныхъ мечтахъ легче всего разочароваться. И, рано или поздно, всѣ тѣ, кто нынѣ не пытаются опытъ прошлаго и пережитаго поставить въ основу реального заданія будущаго, неминуемо окажутся, передъ лицомъ какой-бы то ни было дѣйствительности, (которая никогда не сможетъ удовлетворить ихъ неопредѣленные чаянія и планы), какъ и раньше, до революціи, на сторонѣ принципиальной оппозиціи и, тѣмъ самымъ, лишать будущее русское возстановленіе необходимаго единодушія. Большевики удивительно сумѣли придать жизненность своей мертвой доктринѣ, поставивъ ее подъ знаки извращеннаго религіознаго фанатизма и героическаго лже-идеализма. Страшно подумать, что подлинное національное вдохновеніе, которое рано или поздно, пробудитъ всю Россію — можетъ

быть сведено къ общимъ политическимъ шаблонамъ, и къ реакціонному формализму...

Обычно много говорятъ о различныхъ историческихъ ошибкахъ, но кромѣ ошибокъ существуютъ еще и историческіе грѣхи; и не понять послѣ столькихъ бѣдствій и несчастій истиннаго образа Россіи, ея существа и историческаго заданія и, тѣмъ самымъ, не искупить грѣховъ прошлаго, какъ разъ и значить совершить новый величайшій историческій грѣхъ, расплата за который въ будущемъ неминуема. На протяженіи послѣднихъ вѣковъ европейской исторіи, Россія не разъ оказывалась противопоставленной Западу. Если современные русскія поколѣнія не придуть въ себя и не учтутъ нынѣшняго изолированнаго положенія Россіи, когда сама судьба, въ послѣдній, можетъ быть разъ, открываетъ возможность для русскаго народа найти свои самоначальные и самостоятельные пути и возможности, чтобы побороть въ лицѣ революціи злосчастное свое „западничество“ и начать созидать по новому, хотя и въ какомъ-то соотвѣтствіи съ самымъ старымъ — свою духовно-эмпирическую судьбу, если и небывалый опытъ революціи не приведетъ къ уразумѣнію всей лживости основъ современнаго „передового“ строя жизни, тогда нужно будетъ признать, что всѣ страстные мечты и пророчества русскихъ прозорливцевъ о назначеніи Россіи — были видѣніемъ всего лишь великой исторической возможности, которую сама же Россія сознательно отвергла, предпочтя отдать себя общей судьбѣ европейской цивилизаціи.

Великія потрясенія въ какомъ то отношеніи сами устанавливаютъ взаимную оцѣнку событій и строить коллективную волю, но кромѣ того, нужна сознательная воспріимчивость къ потребностямъ времени, готовность къ общему дѣйствованію; до сихъ поръ ихъ то и нѣтъ среди дѣятелей и массы, ставящихъ себѣ цѣлью — преодоленіе революціи. А безъ этого невозможно въ кругу различныхъ противорѣчивыхъ интересовъ и частныхъ сужденій,

обрѣсти единство въ совѣсти, вдохновеніи и волѣ, — не-
премѣнное условіе нахожденія общаго выхода изъ рево-
люціонной катастрофы; невозможно обрѣсти силы, чтобы
поднять изъ тьмы и гибели и наново воздвигнуть духъ и
плоть Россіи.

П. Сувчинскій